

IV.8.6. Аналогии между этническими и физическими процессами

В-шестых, уже названные черты — прежде всего энергетизм — проявляются в частых аналогиях между этническим и физическим процессом, на том основании, что и этот процесс — природный. Это типичная пронатуралистическая историцистская концепция по К. Р. Попперу (1993). Так, например:

«Каждый живой организм обладает энергетическим полем, теперь мы уже можем сопоставить его с описанием особенностей этноса и, следовательно, назвать *этническим полем*, создаваемым биохимической энергией живого вещества» (Гумилёв 1990: 43).

Что в организме существует обмен энергии — в этом нет сомнений, равно как в существовании у него энергетических полей (например, электромагнитного, на измерении которого основаны методы электрокардиографии и электроэнцефалографии). Однако обычно энергию в таких случаях поминают совсем в другом значении, введённом в науку З. Фрейдом, а в массовое сознание — направлением Е. П. Блаватской: иррациональная движущая сила, доступная лишь интуитивному познанию. Проще говоря, речь идёт не об электромагнитном или гравитационном поле, а о чём-то вроде астрального или ментального поля. Что это так, видно уже из того, что нигде у Л. Н. Гумилёва нет попыток определить это понятие более внятно, если не считать упоминания, что пассионарная энергия по своей природе — «биохимическая» (: 122). При этом, однако, автор уверен в непреложности своих выводов:

«Если мы сравним известные нам фазы этногенеза, то обнаружим, что при переходе фазы подъёма пассионарности в акматическую стремление к расширению ареала наступает столь же неуклонно, как закипает вода при 100 °С и нормальном давлении» (Гумилёв 1990: 100).

И в то же время оговариваются возможности исключений из правил: «этническая регенерация» (: 224) возможна на любой фазе этногенеза, где уже есть утраты, а значит, есть что восстанавливать. Но тогда эти фазы не столь жёстки.

Однако в дальнейшем оказывается, что «пассионарная энергия (биохимическая)» присуща не только этносу. Так, о Диоклетиане говорится: «Короче, он использовал инерцию не этноса, ибо таковая иссякла, а культуры, созданной предыдущими поколениями» (Гумилёв 1990: 214). В таком случае надо признать, что и культура характеризуется теми же признаками, что и этнос, включая энергию.

IV.8.7. Экологический подход

В-седьмых, общественная система рассматривается как часть более крупной системы — экологической. Это совершенно логично с точки зрения как философии космизма, так и любой естественной науки. Эту сторону учения Л. Н. Гумилёва в наши дни успешно развивает Э. С. Кульпин с его концепцией «социоестественной истории» — СЕИ (см.: Кульпин 1995; 1998).

На ход этногенеза, по Л. Н. Гумилёву, влияют три основных параметра: 1) пространство, то есть «окружение: ландшафтное и этническое»; 2) время — «фаза этногенеза и этнического окружения, определяющая варианты этнического контакта с ним» (Гумилёв 1990: 121), то есть «возраст» системы, понимаемый по О. Шпенглеру; 3) энергия. **«В энергетическом аспекте этногенез является источником культуры»** (Гумилёв 1990: 122). Как это совместить с только что приведёнными словами о Диоклетиане: инерция этноса иссякла, а культуры — ещё жива?

При этом «ландшафтное окружение» Л. Н. Гумилёв назвал «вмещающим ландшафтом», и Э. С. Кульпин (1995) сам сближает это понятие с «тем, что немцы называют “*Lebensraum*” — жизненное пространство, т. е. такое, на которое распространяется сфера влияния человека <...>. Так, Западная Европа — жизненное пространство единого суперэтноса. То же мы имеем и для любого другого суперэтноса. Основное жизненное пространство в СЕИ — вмещающий ландшафт суперэтноса». Напомним, что сам термин «*Lebensraum*» («жизненное пространство») ввёл Ф. Ратцель в одноимённой книге 1902 г., понимая под ним *природный* ареал, в котором расселяется определённая *культурная* группа (Клейн, в печати: гл. XI,3). Этот ареал ограничен природными условиями: так, земледельческий народ не может расселиться там, где при его технологическом уровне невозможно земледелие. Термин оказался, по удачному выражению Вл. Соловьёва, «удобопревратным»: ученик Ратцеля К. Хаусхофер, делящий с А. Розенбергом сомнительные лавры идеолога нацизма, придал ему крайне националистический смысл и в таком виде ввёл в круг основных понятий нацистской геополитики.

Показатели, роднящие этносы в фазе подъёма, несмотря на колоссальную разницу в психологии, по Л. Н. Гумилёву, заключаются «в отношении общества к человеку и отношении человеческого коллектива к природе» (Гумилёв 1990: 90). Первый психологический императив этой фазы — «Будь тем, чем ты должен быть!», т. е. есть жёсткие роли, и каждый должен сыграть ту роль, которая ему в этой системе отведена, любые варианты и отклонения — зло, подлежащее пресечению. Второй же императив — экологический: «Природа отдохнула» (Гумилёв 1990: 91), поскольку люди заняты другими делами — внутренними раздорами. Зато в эпоху «золотой осени цивилизации», в эти фазы благополучия и всеобщего материального комфорта природа нещадно эксплуатируется ради массовых прихотей: «Как бы ни свирепствовали пассионарии, но в отношении кормящей нас природы торжествующий обыватель — явление куда более губительное» (Гумилёв 1990: 195). Стоит отметить такое, например, суждение:

«Таким образом, в Византии сложилась система, которая не нарушила биоценозов, оставшихся от древности, а только дополнила их построением великолепного города, жившего в общем за счёт своих собственных ресурсов (каких? неужели его жители сами себя кормили, при этом не эксплуатируя провинции и не разрушая их ландшафт?! — Л. М.) и привоза из дальних стран. Пассионарный толчок в Византии тоже унёс огромное количество человеческих жизней и культурных памятников, но для природы оказался спасительным» (Гумилёв 1990: 92).

А как же насчёт *баланса* между человеком и природой? То есть баланса, учитывающего нужды *не только природы*, но и человека? Не случайно некоторые идеи, публикуемые в наши дни не только в СМИ, но даже в учебниках экологии, вполне подходят под определение «экологический фашизм» (Назаретян, Лисица 2000, там же примеры): ради сохранения природы предлагается уменьшить население то до «золотого миллиарда», то до нескольких десятков миллионов. Хотя бы теоретически! За кадром остаётся вопрос: а кто и как будет это делать? Кто и на каких основаниях будет отбирать и решать: «две верёвки на умерщвление, а одну верёвку на оставление в живых» (2 Царств 8:2)?

К тому же у экологически мыслящих историков часто повторяется одна и та же ошибка: ёмкость экологической системы, её способность прокормить определён-

ное число людей принимается за постоянную величину, без учёта технологического уровня. Так, в конце правления Западной Хань (2 г. н. э.) перепись населения Китая показала его численность в 59,6 млн. человек. Приведя эти данные, Л. Н. Гумилёв (1974: 232) резюмирует: «Это можно считать оптимальным наполнением вмещающего ландшафта, без необходимости изнурения природных ресурсов». В наши дни, однако, население Китая превышает указанную цифру *в 25 раз*, и ничего — экологического кризиса нет! Как же это возможно? Ответ ясен: за две тысячи лет технология сельского хозяйства настолько шагнула вперёд, что позволяет прокормить и такое население «без необходимости изнурения природных ресурсов». Но тогда не слишком ли прямолинеен вывод о ёмкости «вмещающего ландшафта»?

Гораздо разумнее в этом отношении вывод А. П. Назаретяна (2004): дикой природы в экологическом смысле на Земле теперь уже вовсе нет, её островки встроены в новую мировую систему — антропосферу. Поэтому выход — не в руссоистском «возврате к природе», не в ламентациях в духе Г. д'Аннунцио о том, что ради постройки фабрик вырублены кипарисы на вилле д'Эсте, а в дальнейшем развитии технологий — в том числе и природоохранных. Потому что без этого уже не может уцелеть не только человек, но и природа.

IV.8.8. «Системные закономерности» у Шпенглера

Для Шпенглера культура — не механизм, а организм, что уже плохо совместимо (по крайней мере, в его глазах) с системным анализом. Шпенглер — тонкий знаток и ценитель искусства и литературы, и «музыку разъять, как труп», — не его стиль. Даже в математике (глава 1) его интересуют не числа, а «смысл чисел». Намешки над системным подходом появляются у О. Шпенглера прежде, чем Л. фон Бергаланфи ввёл сам этот термин: «Абстрактный учёный, естествоиспытатель, мыслитель системного толка, вся духовная экзистенция которого зиждется на принципе каузальности, есть позднее проявление бессознательной *ненависти* к силам судьбы, непонятного» (Шпенглер 1993: 276).

Казалось бы, для такого автора системные закономерности не должны иметь особого значения и даже вообще привлекать его внимание. Тем не менее, некоторые идеи О. Шпенглера позволили М. Е. Ткачуку («От ответа Освальда Шпенглера к вопросам Ильи Пригожина»: 1996: 81—89) считать его одним из предтеч синергетики. По его мнению, признание относительности времени легко может переходить во взгляд на него как на условность. Это мы и находим у Шпенглера, для которого «время» — всего лишь антоним к понятию «пространства» (в сущности, эту мысль впервые высказал не Шпенглер, а ещё Кант). Шпенглер резко противопоставляет природу, подчиненную *каузальности* (иными словами, причинно-следственным связям и их законам, доступным для рационального понимания и использования), — и историю, подвластную только *судьбе* (интенции культуры). Отсюда утверждения типа: «историяотягчена судьбой, но лишена законов»; «судьба и каузальность относятся друг к другу, как время и пространство» (Шпенглер 1993: 274). А отсюда, на основании ньютоновско-позитивистских представлений о научности, следует вывод: «Нет никакой науки истории, но есть преднаука для неё, устанавливающая наличие бывшего [...] Для исторического взгляда данные всегда суть символы» (: 315).